

Рязань
Издатель Ситников
2004

C. H. Xygekov

(1837 – 1928)

Ирина Красногорская

Тень Никии
В
Ерлинском парке

ББК 63.3(2)5 (Ряз)
К88

Рецензент Чеклуев В. В.

Красногорская И. К.

К88 Тень Никии в Ерлинском парке. Документальная повесть. — Рязань: Издатель Ситников, 2004. — 344 с.: ил.

ISBN 5-902420-07-5

В книге рассказывается о выдающемся россиянине Сергее Николаевиче Худекове (1837-1928), судьбою доказавшем, как может успешно сочетать человек, казалось бы, совершенно противоположные занятия. Он издавал в Петербурге газету, был писателем, историком балета, незаурядным землевладельцем, создателем уникальных дендрариев в селе Ерлино Рязанской губернии и в Сочи.

ББК 63.3(2)5 (Ряз)

Автор выражает глубокую признательность Э. Н. Никишкину за финансирование издания книги и Д. И. Кривошопка, К. Н. Ситникову, Т. Н. Цукановой, В. В. Чеклуеву за помощь при сборе материала.

ISBN 5-902420-07-5

© Издатель Ситников, 2004

© Красногорская И. К., автор, 2004

© Полищук Т. С., художественное оформление, 2004

От автора

Издrevле утвердилось мнение, что человек, профессионально занимающийся искусством или гуманитарными науками, начисто лишен предпринимательских способностей, что художественные натуры вообще не от мира сего и ничто материальное их не интересует, да и неподвластно им. Издревле же люди, для которых гуманитарная деятельность стала главной в жизни, пытались (и небезуспешно!) это мнение опровергнуть. Классический пример тому – действия, предпринятые на спор с приятелями и неприятелями древнегреческим философом Фалесом Милетским. Доказывая свою предприимчивость, он в одну прекрасную зиму, где-то в 500-х годах до н. э. скупил в округе по дешевке почти все жернова для выдавливания оливкового масла – рассчитал, что летом будет большой урожай маслин, и не ошибся. Бывшие владельцы жерновом кусали локти: он стал основным производителем масла и сколотил на нем за один сезон весьма приличный капитал, после чего на удивление и радость конкурентам оставил предпринимательство, вернулся к прерванным занятиям философией – и вошел в историю. Конкуренты же и спорщики довольствовались прижизненными почестями, их имена время не сохранило. Но Фалес Милетский очень далек от нас и по времени, и по месту жительства. Более близкий пример – Сергей Николаевич

Худеков, наш соотечественник, почти современник, своей судьбой доказавший, как может успешно сочетать человек, казалось бы, совершенно противоположные занятия. О его достижениях в сельском хозяйстве (животноводство, садоводство, огородничество) в последнее время вышло немало статей. Продолжают пользоваться успехом балеты, некогда поставленные известным балетмейстером Мариусом Петипа на либретто Худекова. Непревзойденным остается его труд «История танца всех времен и народов». Не забылась «Петербургская газета», которую он издавал много лет. Прекрасным рукотворным памятником ему остается знаменитый сочинский дендрарий. Все еще теплится жизнь в еще одном уникальном созданном им дендрарии, ерлинском, в Рязанской области. И никто до сих пор не собрал воедино разбросанные по различным источникам сведения об этом незаурядном человеке, не написал книг о нем, его времени и ближайшем окружении. Попытаюсь восполнить этот пробел или сделать шаг в его направлении.

Не могу умолчать о том, что инициатива написать книгу о Сергее Худекове принадлежит не мне. Автор идеи, как принято теперь говорить, Анатолий Федорович Говоров. Ему и посвящаю свой труд.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Афанасий Фет

«Пух от уст Эола»

В Москве уже было по-зимнему морозно. На Тверской улице веселые, гортанноголосые кавказцы торговали с лотков ледяной жарко оранжевой хурмой и бурыми, в ржавых пятнах гранатами, из лавок колониальных товаров врвался в студёный воздух сложный аромат только что смолотого кофе, цитрусовых и еще каких-то заморских теплолюбивых фруктов. Парнишки с укутанными самоварами за спиной шустро торговали горячим сбитнем, то здесь, то там раздавались возгласы разносчиков:

- Вареная патока с имбирем!
- Пирожки! Горячие пирожки! Кто забыл купить пирожки с капустой, редькой, гречкой?
- Подснежная рязанская клюква!
- Солёные астраханские арбузы!

Он родился 28 ноября, по старому стилю, 1837 года в Москве в большой дворянской семье. Назвали его Сергеем, хотя этому дню покровительствовали святые, носящие другие имена. Крестили младенца 1 декабря, восприемниками были губернский секретарь Илья Васильевич Повалишин

и жена отставного штабс-капитана Елизавета Матвеевна Наумова, тетка крестника.

Семья его была и небогатой, и неродовитой. В то время, как состоятельные дворяне жили на доходы от своих поместий, отец Сергея Николай Матвеевич Худеков, чтобы содержать семью, вынужден был определиться на государственную службу в Московскую Казенную палату. Но карьеры не сделал: достиг лишь чина коллежского секретаря. А потому так и остался со своими чадами в третьей части родословной книги, куда по решению Рязанского дворянского депутатского собрания был внесен его отец. Тот преуспел в жизни больше. Получил чин надворного советника, обосновавшись в Рязани, приобрел имения в Спасском и Михайловском уездах Рязанской губернии, несколько повысил родовитость свою и своих детей: прежде их род был во второй части родословной книги.

Николай Матвеевич состояния своего приумножить не сумел, довольствовался унаследованным от отца имением при сельце Подобрееве, Бутырки тож, Михайловского уезда.

Сельцо это и ныне существует и называется теперь Подобреево без всякого «тож». Но есть и Бутырки, километрах в трех от него. Добираться до них из Рязани и сейчас непросто, а тогда... А тогда живущие в Москве владельцы имения без особой досады периодически преодолевали две с лишним сотни верст по бездорожью, чтобы наконец очутиться в своей усадьбе посреди бескрайней степи, где носились разгульные ветры.

«Степь, да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой замерзал ямщик», – вспомнилось мне: тоска непреодолимости пространства овладела мной, когда я ехала на быстроходной комфортабельной машине по местности, некогда облюбованной Худековыми. А стояла ласковая теплынь конца лета, изумрудные волны пышной кукурузы,

«царицы полей», подступали к дороге и откатывались за горизонт, их сменяли темно-желтые поля уже сжатой пшеницы, кое-где рассеченные неглубокими оврагами, иногда мелькали сбившиеся в кучку, словно напуганные раздольем, березки.

«Каждый кулик свое болото хвалит», и, конечно, «куликам перелетным» Худековым все эти просторы виделись иначе, иная песнь приходила на ум, скажем, «Ах, ты, степь моя, степь широкая...», а разгульный ветер казался романтически настроенной Александре Васильевне Худековой посланцем Эола. И не скука-тоска переполняла их, а счастье обретаемой после Москвы вольной жизни. Они не пребывали круглый год в Москве, но не посещали из-за скудости средств и зарубежных курортов – дышали каждое лето свежайшим воздухом рязанских просторов. Во время летних вакаций Николай Матвеевич привозил свое семейство в Подобреево-Бутырки. Сам после кратковременного отдыха, сопряженного с хозяйственными хлопотами, возвращался в Москву, а его домочадцы оставались в деревне до глубокой осени кормиться и радоваться приволью. Между тем семейство все увеличивалось. Когда появился на свет Сергей, Николай Матвеевич и его жена Александра Васильевна уже имели троих родившихся в рязанском имении сыновей: девятилетнего Николая, пятилетнего Василия и трехлетнего Павла. Позднее родились Михаил и Владимир. Были у Худековых и дочери, но время не сохранило о них других сведений, кроме имен и фамилий, которые они стали носить, выйдя замуж: Варвара Кошелева, Софья Лесли, Мария Лихарева, позднее Чулкова, Ольга Костырева, Александра Лесли, Елизавета Гольдерекер. Худековы вырастили двенадцать детей.

Двенадцать детей – уму непостижимо! Как такую ораву прокормить, одеть-обуть, выучить, не говоря уже о том,

как всю свою молодость пребывать женщине в состоянии беременности, неприятном, тяжелом, а тогда нередко и смертельно опасном. Но наши бабки-прабабки справлялись с этим, не унывали, даже умудрялись на вечеринках, на балах отплясывать в промежутках между родами, головы поклонникам кружить. Вспомним Наталью Николаевну Пушкину, в разгар романа с Дантесом, за семь лет супружества у нее было четверо детей. Да моя собственная прабабка вырастила двенадцать детей, а сколько родила, семейная хроника умалчивает.

Худековы при столь внушительном числе детей не бедствовали, по нынешним понятиям: имели собственный дом в Москве, да не где-нибудь на окраине, а на Тверской улице, сыновей сумели выучить. Николай окончил юридический факультет Московского университета, Василий и Павел учились в каких-то частных учебных заведениях и начали потом военную карьеру. Сергей закончил 3-ю Московскую гимназию и, вероятно, некоторое время так же, как и старший брат, учился на юридическом факультете. Некоторые его биографы сообщают, что он закончил университет. Только едва ли это возможно. 31 октября 1854 года, то есть, не достигнув еще семнадцати лет, Сергей Худеков был зачислен в Рязский пехотный полк, покинул Москву и бывал в ней потом лишь наездами. Но именно в ней да еще в рязанском Подобрееве сформировался его характер, на всю жизнь определились интересы.

Особое, эмоциональное, интеллектуальное влияние Москвы на русского человека общепризнано и не раз отмечалось в литературе, и незачем в книгах рыться мне и моим современникам, чтобы найти тому примеры: они запомнились нам еще в школьные годы, это прежде всего пушкинские строки:

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось! —*

и, конечно, восклицания-заклинания чеховских «трех сестер»: «В Москву! В Москву!»

И подобное говорилось, писалось, думалось, когда Москва давно утратила статус столицы, оставалась лишь, по образному сравнению Пушкина, «порфиноносной вдовой», когда он же отмечал, что «в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. (...) На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается в наймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы.

Обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства».

В Москве времен отрочества и юности Худекова мало что изменилось с тех пор, как Пушкин оставил эти грустные заметки, разве что освобожденные обедневшими дворянами хоромы заняли богатеющие купцы и на центральных улицах города появились по-европейски обставленные магазины. Прошло ведь совсем немного лет: Сергей Худеков родился в тот год, который вошел в русскую историю и помнится каждым россиянином как дата гибели Пушкина. И во время юности Сергея по улицам Москвы еще ходили, ездили в собственных или наемных экипажах современники поэта. В Москве, насчитывавшей в 1852 году 336 тысяч жителей, все еще не было конки. Все еще непроходимой грязью и вонью отличался в самом центре города Охотный ряд, где торговали мясом и всякой иной снедью и во внутреннем дворе которого, поблизости от прилавков, убивали мелкий скот

и птицу. Все еще существовал на площади перед Большим театром рынок.

Это сочетание рынка и театра для Москвы чрезвычайно характерно, символично. В нем, на мой взгляд, разгадка ее постоянной на протяжении веков притягательности для многих и многих людей. Никто никогда не чувствовал себя в ней гостем, не испытывал неловкости человека, ступившего на паркет бальной залы в валенках. Москва – двуликий город, успешно сочетающий до неприличия откровенный практицизм с высокой духовностью. И многие москвичи, если не наследуют с молоком матери эту способность, то приобретают ее потом. Думаю, одним из них был и Сергей Худеков.

В культурном отношении Москва первой половины XIX века не уступала столице и, по утверждению некоторых москвичей, даже превосходила и пестовала, лелеяла для столицы таланты, которые, окрепнув на московских хлебах, уже не ограничивались ее признанием и устремлялись на север за столичной славой. Это касалось в основном людей театра.

Русский драматический театр в ту пору бурно развивался. Как отмечали советские искусствоведы, это был один из самых насыщенных, сложных и динамичных этапов в развитии драматической литературы и сценического искусства, в корне преобразовавший репертуар, сцену и зрительный зал. На смену старым консервативным драматургам пришли молодые новаторы: Иван Тургенев, Александр Островский, Константин Аксаков. Театр все больше и больше склонялся к «жизненной естественности», все больше сокращался разрыв между происходящим на сцене и в жизни. Московская молодежь восторженно воспринимала эти перемены, официальные же лица были весьма

встревожены. Попечитель Московского учебного округа сообщил министру просвещения, как была принята драма Константина Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году»: «Во время представления этой драмы на московской сцене 14 декабря 1850 года был в театре большой шум. На все возгласы актера при порицании бояр раек кричал: «Правда, правда!» Особенно слова: глас народа – глас божий вызвали сильные рукоплескания и громогласное одобрение райка». Пьеса была запрещена после первого же представления. В этом же году запретили к постановке опубликованную в журнале и принесшую молодому Островскому литературную известность комедию «Свои люди – сочтемся!» Тогда она называлась «Банкрут». Комедия не понравилась Николаю I и, по его личному распоряжению, автор был отдан под надзор полиции.

Однако запреты постановок и гонения на авторов только подогревали интерес публики к театру. Он стал ареной идеологической борьбы, действенным средством влияния на общество, любимым местом развлечений и ненавязчивым воспитателем. Самый разный люд считал необходимым побывать в нем. По поводу пестроты театральной публики даже ядовито иронизировал Некрасов в фельетоне «Выдержка из заметок старого театрала». Правда, он имел в виду публику петербургскую середины сороковых годов, но московская пятидесятых отличалась от нее лишь большей демократичностью. «Русская театральная публика в ту пору...разделялась на две публики.. Первая – большею частью образованная, непременно приличная... Вторая – шумная, многочисленная, нестройная – посещала театр ради того, чтоб пошуметь и похлопать. В состав ее входило так много разнообразных элементов разноплеменного...народонаселения, что подвести ее под общий уровень, уловить в ней общий определенный характер едва ли было возможно». Некрасов выделяет из этого состава «толпу

юношей, только что выпущенных из школы», «доброе, смиренномудренное и довольное собой чиновника, вечно занятого службою» и оказавшегося в зале по долгу мужа и отца, а также «купеческое семейство, состоящее, по крайней мере, из девяти человек». И что самое удивительное, поэт, борющийся за счастье народа, крайне неодобрительно отзывается о посещении этим народом театра: «Наконец, поднимите голову и обратите внимание на раек, набитый сверху донизу, где головы торчат, как капустаные кочаны. Боже милостивый! Какое изумительное разнообразие, какая пестрая смесь! Воротник сторожа, борода безграмотного каменщика, красный нос дворового человека, зеленые глаза вашей кухарки... Боже милостивый, сколько голов и сколько, без всякого сомнения, умов!»

Судя по приведенному описанию, все население дома Худековых на Тверской можно было встретить в Малом театре: родителей с дочерьми и младшими сыновьями в какой-нибудь недорогой ложе, старших сыновей, вышедших из гимназического возраста, в партере, прислугу в райке. «Любите ли вы театр, как люблю его я?» – вопрошал Белинский. Худековы, тем более братья, ответили бы утвердительно.

Во время Крымской войны раненый Василий, с трудом передвигаясь, добирался до театра в прифронтовом Симферополе. Николай совместно с Н. А Долгоруковым перевел с французского драму О. Фейе «Далила». Она шла в Москве и Петербурге в 1858 – 1859 годах.

И тут надо заметить, что столь активная любовь, когда интеллигентный молодой зритель-дилетант не только смотрел спектакль, но и публично через печать высказывал о нем свое мнение, а то и способствовал его постановке, не была исключением. Уже тогда она отмечалась театрами-профессионалами, раздражая тех, у кого молодежь невольно отнимала «хлеб». Так, автор уходящих в тираж водевилей возмущался в одном из них:

*И кто же рецензент
И драмы и артистов!
Какой-нибудь студент,
Педант из гегелистов!*

Неизвестно, писал ли о театре тогда Сергей в московские газеты и журналы. Возможно, делал для себя какие-то дневниковые записи, но, безусловно, был одним из активных и постоянных зрителей.

Пройдет сто лет – и жадная до зрелищ пестрая публика переключается из театральных залов в кинозалы. У театра появится свой вполне определенный зритель. Пройдет еще пятьдесят лет – и большинство из нас, любителей театра и кино, останется один на один с телевизором.

Как глоток экологически чистой водицы из древнего источника, воспринимаем мы нынче спектакли полуторавековой давности, те, что волновали юного Сергея Худекова: «Ревизор», «Женитьба», «Горе от ума», «Моцарт и Сальери», «Коварство и любовь», «Отелло», «Гамлет»... Список можно было бы продолжить, но он займет много места: ведь в ежегодный репертуар театра входило тогда более двухсот постановок. Некоторые драматические постановки дошли до наших дней в измененном виде. Например, популярная и ныне опера Римского-Корсакова «Царская невеста» была тогда не менее популярной исторической пьесой из времен Ивана Грозного, русский вариант извечной темы коварства и любви в интерпретации молодого поэта Мея.

Интерес юного Сергея Худекова к драматическому искусству понятен: это было модой времени, молодой человек не мог не поддаться ей. Но он увлекся и балетом, этим ветреным искусством, капризом Эола. Такое увлечение юноше его круга было несвойственно. Дело в том, что балет не относился к искусствам демократическим. И увидеть на балетном

представлении кухарку с зелеными глазами, купца, возглавляющего семейство из восьми душ, даже довольного собой чиновника с женой и дочерью было нельзя. Кому средства не позволяли купить билет, а кого и патриархальная нравственность удерживала. Последние воспринимали балет действием мало приличным, откровенно эротическим, любоваться коим порядочный мужчина свою жену, тем паче дочь не поведет. «Порядочному» мужчине балерины, одетые на сцене в тончайшие короткие туники, казались куртизанками. «Порядочные» женщины тогда заковывались в корсеты, мели полы и мостовые подолами тяжелых юбок. К подолу, по всему его периметру, пришивалась даже специальная бахрома-щеточка. Не для удобства подметания, конечно, а чтобы он не обтрепался. И вызовом общественному мнению была тогда ножка, ненароком выглянувшая из-под юбок, знаком, побуждающим мужчину к решительным действиям. Далеко не все состоятельные мужчины, а дамы лишь аристократки да «эмансипе», позволяли себе восторгаться тем, как балерина,

*Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола,
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.*

«Зрелище для старых холостяков», — отозвался о балете один из моих пращуров, такой же, средней руки, чиновник и помещик, как Николай Матвеевич Худеков, и строго-настрого запретил моей прабабке, ровеснице Сергея, смотреть какой-то безобидный спектакль. Передаваясь из поколения в поколение по женской линии, запрет просуществовал в течение века. Я нарушила его первой, просмотрев в Большом театре весь балетный репертуар.

Другое время – иные нравы. Женщины моего поколения уже облачались в мини-юбки, которые выглядели куда откровеннее пачек. Но, тем не менее, и в наше время балет не стал зрелищем массовым. И когда в августе 91-го года предстали на телеэкране среди бела дня девушки в пачках, изображающие лебедей, встревоженный, далекий от балетных подмостков народ смекнул: что-то тут не так, что-то в стране назревает. И, действительно, вскоре длинноногих, тонкоруких лебедушек сменили на экране танки.

Советские искусствоведы характеризовали балет по-разному. Одни констатировали, что «в отличие от прочих театральных жанров, балетный жанр всегда пользовался расположением самодержавия и тех реакционных кругов и слоев, которые стояли непосредственно за самодержавием». Другие заявляли, что балет стал «для московского студенчества новым источником духовной жизни», что его в то время отличал от петербургского балета интерес к произведениям современной литературы, любовь к народным танцам, обращение к самым широким массам зрителей.

Но как бы то ни было, думаю, не монархические взгляды, не стремление припасть еще к одному источнику духовности определили тягу Сергея к балету. Все проще и романтичнее: он влюбился в прелестную ученицу театральной школы...

Тогда существовала в Москве единая театральная школа, в которой детей обучали сначала всех одинаково, а выявивши их одаренность и склонность к какому-нибудь виду искусства, только ему одному. Иногда определить талант педагогам помогали зрители: ученические спектакли шли на сцене Малого театра. Учениц возили туда в зеленой карете. Толпа юных поклонников ждала у театрального подъезда того волнующего момента, когда эфирные созда-

ния начнут выпархивать на тротуар. Одна за другой, одна за другой маленькие танцовщицы, придерживая юбочки форменных платьев, непринужденно и грациозно показывали на миг белые чулочки, изящные, легкие башмачки. Восторженные поклонники за этим излетом граций наблюдали издали: к девочкам не давали приблизиться городовые и строгие, чопорные классные дамы. О знакомстве на улице и помыслить было нельзя: правила приличия того времени такую вольность строго настрого запрещали. И в домашней обстановке для молодых дворян знакомство с маленькими танцовщицами было заказано. Будущие балерины и их настоящие поклонники относились к очень далеким друг от друга слоям общества. Это были параллельные миры. Войти в дверь к своей балетной пассии для гимназиста было не менее сложно, чем проникнуть к ней через трубу. Последний способ юношам, знакомым с «Тарасом Бульбой» Гоголя, казался более романтичным.

Задумав познакомиться с одной из учениц, Сергей не исключал его из своих головокружительных планов. Останавливало его лишь то, что он не выяснил, к какой печи ведет труба. Где живет его прекрасная незнакомка, он выследил. Следовал за нею в некотором отдалении по противоположной стороне улицы, когда она возвращалась из школы. Шла, увы, не одна, а в сопровождении скромно одетой худощавой невысокой дамы, которая то и дело испуганно оглядывалась. Он учтиво приподнимал фуражку и улыбался. Дама пугалась еще больше, ускоряла шаг и торопила девочку. Та тоже оглядывалась и строила ему уморительные, совсем необидные, милые рожицы. Иногда дама сопровождала двух девочек. Тогда Сергей нервничал – не мог решить, какой из них отдать предпочтение. Да, ему очень нравились обе. Они были такие хорошенькие, хрупкие, подвижные, с необычной поступью – шли, не касаясь земли, словно парили над ней. Он сомневался, стоит ли во-

обще делать выбор, коль о женитьбе в его лета думать рано. Хотя почему рано, размышлял он, самое время – почти шестнадцать лет, девиц в эти-то лета как раз замуж выдают. Доверил сомнения братьям Василию и Павлу. Те отнеслись к ним с пониманием. Одобрили его увлечение, сказали, что поклоняться танцовщицам модно, а жениться на актрисах в их кругу не принято. Однако, как известно, нет правил без исключений, и некогда даже граф Шереметьев женился на актрисе, к тому же своей крепостной, нынче же и великие князья увлекаются балеринами.

Братья тоже иногда дежурили у Малого театра, только у другого подъезда, куда входили и откуда выходили уже настоящие актрисы. Сочувствуя Сергею, они даже предложили ему на прокат свои костюмы: гимназистов в театр не пускали без взрослых. Но переодевание не состоялось: костюмы были ему велики.

Как известно, любовь требует жертв: он стал хуже учиться, пропускать уроки, приносить домой дневник с гневными записями классного надзирателя, а то и его записки господину Н. М. Худекову. Сергею было тяжело объясняться по их поводу с папенькой, который вычеркнул из памяти собственные молодые годы. Старшие братья, лицемеры, поддакивали родителям и даже давали им свои рецепты к его исправлению. Он превозмогал все неприятности и пробирался изредка в театр. Находил в рядах кордебалета своих знакомых незнакомок.

Чтобы попасть в театр даже без билета, нужны были деньги. Он их не имел: папенька лишил его карманных, а все виды заработка, кроме репетиторства, гимназистам были заказаны. Пришлось ему заложить серебряный браслет с бирюзой, принадлежащий тетеньке. Особых угрызений совести он при этом не испытывал: браслета тетенька не носила, только показывала его время от времени племянницам да сулила подарить. А кому дарить, когда племянниц шесть?

Пятерых обидишь, угодив одной. Тетушка же и мухи обидеть не могла, вот и медлила с подарком – чернело серебро браслета, тускнела его бирюза в соседстве с черепаховым гребнем, некогда белыми лайковыми перчатками и сломанным веером – реликвиями ее первого бала. Сергей опасался, что, обнаружив ненароком пропажу, тетенька обвинит горничную или казачка Никитку. Скандал разразился месяца через два. Тетенька, любя племянников, готовила им к праздникам и дням ангела сюрпризы. Ко дню ангела Сергея она задумала вырастить гиацинты. Время для их выгонки было совсем не подходящим – середина января. Но тетенька очень старалась и очень любила племянника. Он же, не дожидаясь, когда тетенька подарком своим произведет фурор, сам срезал большую часть цветов и ранним воскресным утром, крадучись, проник во двор знакомого дома.

Форточка в одном из окон была, как обычно, приоткрытой. Обитательницы дома, как он установил прежде, не боялись сквозняков и воров и допоздна форточку не закрывали. С замиранием сердца он опустил в нее розово-голубой букетик, обернув его запиской. В записке была одна фраза: «Вы «пух от уст Эола» и подпись: он не желал оставаться безымянным воздыхателем. Не уловив в комнате ни малейшего движения и опасаясь, что его презент останется лежать незамеченным на полу, Сергей бросил в окно снежок. Со всей осторожностью бросил. Но на стекле тут же возникли длинные и короткие лучи трещин, и в их ореоле показался отвратительный, искаженный злобой толстый лик.

Сергей бросился наутек, но не избежал возмездия. Вечером ему пришлось держать ответ и за разбитое стекло, и за сорванные гиацинты, и за «пух Эола». Обнаружилась пропажа браслета, всплыло и то, что он принуждал младших сестер в нижних юбках выполнять арабеск. В общем, семь бед – один ответ. Скандал вышел грандиозный. Тетенька и маменька были без чувств, сестрицы от страха спрятались

за портьеры, папенька грозился убить негодяя или лишить себя жизни. Василий и Павел пытались удержать его от этих роковых шагов.

А часом ранее в гостиной толстый незнакомый господин яростно потрясал поникшими гиацинтами и грозился пожаловаться в гимназию: цветы и записку он принял на свой счет. Угроза была страшной – Сергея могли исключить. Господину дали денег, и он, успокоенный, удалился. К счастью, он был лишь соседом эфирного создания. Пылкий поклонник не учел, что в маленьком домике могла жить не одна семья. За неосторожность и безрассудство пришлось ему, когда семейные страсти несколько улеглись, расплачиваться большим, чем прежде, ограничением свободы, пришлось взяться за учебу, подналечь на сухую математику, где царили какие-то безликие «а» и «б», заняться физикой и химией, которые, как он полагал, никогда ему в дальнейшей жизни не пригодятся. С гуманитарными дисциплинами у него был полный порядок.

Гимназию Сергей закончил лучше, чем ожидали его домашние и учителя. Поступил на юридический факультет университета. Надеялся, что вместе со студенческой формой обретет и долгожданную вольность. Надеялся, что наконец-то родители станут относиться к нему как к старшему среди детей: Василий и Павел покинули Москву и отправились добровольцами на разворачивающуюся Крымскую войну, Николай оставил отчий дом еще раньше. Но нет, родители продолжали мелочную, унижительную для юноши опеку. И все-таки студенческая жизнь показалась ему интереснее и разнообразнее гимназической, сняла многие общественные запреты, поменяла былые привязанности. Он забыл дорогу к домику-крошечке, не ожидал больше у театрального подъезда прелестных маленьких танцовщиц. Но однажды, завидев у театра остановившуюся зеленую карету, не удержался, шагнул к ней, открыл дверцу. Никто не успел опередить его,

никто не преградил ему дороги. В сумеречном пространстве древней колымаги сидели девушка и немолодая дама.

– Что вам угодно? – воскликнула дама испуганно.

И он узнал их.

– Пардон. Бон жур, мадам. Позвольте вам помочь, – сказал он, волнуясь.

Чуть помедлив, девушка выпростала из-под накидки и протянула ему оголенную по локоть, очень тонкую руку. Распахнувшись, накидка открыла белое платье. «Знак высшего отличия ученицы», – отметил он, чуть отступая и давая девушке возможность стать на подножку.

– Это вам, – прошептала она. В его руке оказался конверт.

– Но что это? Кто вы? Как зовут вас? – Он растерялся и спрашивал по-французски. Русский язык показался ему слишком будничным для разговора с ней.

– Паша! Что же ты? Опоздаешь! – заторопила дама.

«Паша? Так просто – Паша. Фея не может носить такое обычное имя».

Девушка легко соскочила с подножки, высвободила руку и побежала к подъезду. Там уже собрались гимназисты, переодетые студентами. Сергей помог даме выйти из кареты и оказался в последнем ряду этого студенческо-гимназического оцепления.

– Мадемуазель Лебедева! Мадемуазель Лебедева! – восторженно вопили гимназисты-студенты, мешая ей войти. Дюжий швейцар прервал на время суматоху, распахнул тяжелую дверь, и мадемуазель Лебедева скрылась за ней вместе с подоспевшей спутницей.

Гимназисты продолжали возбужденно галдеть. Из отрывочных фраз Сергей понял, что предмет его бывшего (годовой давности) поклонения пятнадцатилетняя Прасковья Лебедева – теперь лучшая ученица школы, и нынче она танцует главную партию в балете «Гитана». Билеты все распроданы.

ны. Кое-кто из счастливых поклонников юных танцовщиц разжился контрамарками. Таких счастливцев в толпе гимназистов не было. Сергей раскрыл конверт – в нем лежали вожденная контрамарка и программка спектакля.

Поздним вечером он попытался изложить в дневнике свое впечатление от танца Прасковьи Лебедевой. Но восхищение переполняло его, мешало найти нужные слова.

В тот же вечер в тиши огромного полутемного кабинета управляющий Конторой императорских театров композитор Верстовский, не подбирая особых слов, писал в Петербург: «Роль Гитаны в первый раз исполнила воспитанница Лебедева. Сколько ни припоминаю дебюты здешних воспитанниц-танцовщиц, не исключая Санковской 1, все были слабее Лебедевой. Замечательны силы этой девочки... публика московская при всей теперешней ее болезненности и равнодушии принимала дебютантку превосходно, вызывая по несколько раз в каждом акте единодушно. В этой девочке проглянула прекрасная будущность русскому балету».

Увы, пророчество Верстовского не сбылось. Яркая балетная жизнь Прасковьи Лебедевой, окончившей школу в 1858 году, продлилась всего восемь лет. Ее искусством восторгались балетоманы Москвы и Петербурга, ее пригласили работать в столице. Она ездила на гастроли в Париж. Но путь к ее мировой известности и славе оборвал нелепый случай: во время спектакля она получила ожог глаз неудачно включенным дуговым фонарем.

Если бы я задумала написать роман о Сергее Худекове, то назвала бы его «Терпсихора» и настаивала бы в нем на версии: любовь к юной танцовщице определила увлечение Сергея балетом. Рассказала бы об этой огромной и на всю жизнь любви с первого взгляда.

Подчеркнула бы трагедию наивных «стоиков», которые изо всех сил противятся своему счастью, упускают время,

стараятся держаться друг от друга на приличном расстоянии: считают, опережая судьбу, что им никогда, никогда, никогда не быть вместе. Нельзя!

Развила бы тему безнадежной любви. Любовь эта безнадежная – пожалуй, горе и счастье посильнее неразделенной любви. Только говорят о ней меньше и почти никогда не пишут.

«Поцелуйте еще», – попросила Она печально и нежно под прицельными взглядами десятков глаз. С глазу на глаз Она ни за что бы Его об этом не попросила, потому что никогда, никогда, никогда... Нельзя!

Я случайно услышала эту просьбу-мольбу и теперь не могу выбросить ее из головы: «Поцелуйте еще».

Я бы написала о безнадежной любви, ставшей для каждого из любящих стимулом творчества, катализатором их творческих успехов.

– Где бы я ни танцевала, танцевать буду для вас.

– Что бы я ни писал, буду надеяться, что это прочтете вы.

Но нельзя, нельзя выдумывать, когда есть документы. Они же свидетельствуют лишь о том, что через пять-шесть лет после вымышленного диалога и предполагаемого знакомства Сергея с восходящей звездой балета Прасковьей Лебедевой он начал печатать в столичных журналах очерки о быте военных, балете и драматическом театре под псевдонимами «Жорж» и «Жало». А в 1913 – 1917 годах выпустил свой многолетний четырехтомный труд «История танцев всех времен и народов», где есть и статья о Лебедевой. Не раз она потом интерпретировалась и перепевалась в работах других авторов, вошла отголоском и в это повествование.